

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2025.97.87.024

Феномен архива произведений искусства тюрьмы «Сан Квентин» США

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Феномен архивов тюрьмы «Сан-Квентин» (США) исследуется как уникальный социокультурный феномен, возникающий в пространстве пенитенциарной системы. Архив, представляющий собой инициативу по сохранению творческого наследия осужденных, анализируется в контексте трёх взаимосвязанных функций: конституирования альтернативной культурной памяти, утверждения эстетического суверенитета и опосредования этического свидетельства. Исследование демонстрирует, как архивы осуществляют инверсию классической модели, фиксируя не официальный нарратив, а субъективный опыт, эмоции и рефлексии заключенных, тем самым превращаясь в инструмент культурной репарации и политический акт. Через анализ специфических форм и жанров (миниатюра, идиллический пейзаж, портрет, текст) раскрываются стратегии символического преодоления несвободы. Архив рассматривается как активный медиатор, формирующий ответственный диалог между маргинализированным сообществом заключенных и внешним обществом, деконструируя мифологию тюрьмы как «чёрного ящика» и закладывая основу для более инклюзивной исторической памяти.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Феномен архива произведений искусства тюрьмы «Сан Квентин» США // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 12А. С. 199-207. DOI: 10.34670/AR.2025.97.87.024

Ключевые слова

Архив «Сан-Квентин»; тюремное искусство; культурная память; эстетический суверенитет; этическое свидетельство; пенитенциарная культура; контр-история; культурная репарация; маргинализированные группы; визуальная антропология.

Введение

Феномен архивов тюрьмы «Сан-Квентина» (наиболее старой в США) представляет собой уникальный культурный и социальный феномен, возникающий в пенитенциарной системе. Данный архив, возникший как инициатива по сбору и систематизации творческого наследия осужденных, конституируется как сложный феномен, чья деятельность раскрывается на пересечении ключевых теоретических полей: исследований культурной памяти, теории суверенитета.

Актуальность изучения данного феномена обусловлена необходимостью переосмысления традиционных представлений о функциях архива, природе творчества в условиях ограничения, а также о способах производства исторического знания, инклюзивного по отношению к маргинализированным группам. Архивы «Сан-Квентин» осуществляют инверсию классической архивной модели: вместо консолидации официального нарратива они фиксируют внутренний опыт, эмоции и экзистенциальные рефлексии осужденных. Таким образом, архив становится инструментом культурной репарации, возвращающим сообществу осужденных агентность в интерпретации собственного прошлого, что позволяет рассматривать его не только как хранилище, но и как политический акт [Cummins, 1994].

Целью данного анализа является комплексное рассмотрение архивов «Сан-Квентин» как многомерного культурного явления, осуществляющего три фундаментальные взаимосвязанные функции. Во-первых, это конституирование альтернативной культурной памяти. Во-вторых, утверждение особой формы эстетического суверенитета через акты репрезентации. В-третьих, опосредование этического свидетельства, преобразующего частный травматический опыт в публичный диалог, требующий ответственной рецепции и рефлексии. Изучение архивов тюрьмы «Сан-Квентина» позволяет не только деконструировать мифологию пенитенциарной институции как «чёрного ящика», но и утверждает культуру как неистребимую форму человеческого бытия даже в самых экстремальных условиях, закладывая основу для более инклюзивной памяти [Mitchell, 2023].

Основная часть

Классическая функция архива, традиционно ассоциируется с сохранением, систематизацией и легитимацией. Государственный архив выступает инструментом консолидации официальной истории. Архивы «Сан-Квентина» осуществляют инверсию данной модели, репрезентируя анти-архив в глубинном смысле: их цель состоит не в утверждении публичного дискурса, а в фиксации всего того, что этот дискурс целенаправленно элиминирует — а именно, субъективного, эмоционального, экзистенциального опыта субъекта [Querrey, 1975].

Память в условиях тотальной пенитенциарной институции фрагментирована и атомизирована. Коллективное прошлое сообщества, пребывающего в состоянии постоянной турбулентности лишено стабильных материальных носителей. Индивидуальная же память

подвергается давлению: внутренней травмы и внешнего институционального прессига. В данном контексте материальный артефакт — рисунок на обёрточной бумаге, стихотворение, записанное в тетрадной клетке, письмо или самодельный предмет — обретает статус культурологического наследия. Он выполняет функцию хронотопического якоря: кристаллизует ускользающее время, фиксирует мимолётную эмоцию, придаёт зримую и осязаемую форму внутреннему, невидимому ландшафту [Mason, 2012].

Процесс архивации этих разрозненных артефактов выполняет, таким образом, фундаментальную культурную работу коллективного масштаба: он трансформирует индивидуальные, часто спонтанные акты воспоминания в структурированное коллективное достояние, формируя контр-историю места. Официальная хроника Сан-Квентина формируется из отчётов, приказов, судебных документов, сухой статистики инцидентов. Это история воздействия системы на индивида, история дисциплины и надзора. Архив же скрупулёзно собирает историю реакций, внутреннего существования и имплицитного сопротивления индивида внутри системы. Наивное, но детализированное изображение пейзажа, портрет созданный по памяти, абстрактная композиция, рождённая из аффекта — каждый подобный объект становится главой в хронике человеческого духа. Тем самым Архивы осуществляют акт культурной репарации, возвращая сообществу осужденных право на собственное прошлое и его интерпретацию. Они конституируют историю переживания наказания, что кардинально меняет эпистемологический статус самого места, превращая его в пространство, продуцирующее сложные культурные смыслы, доступные для внешнего анализа.

Данное продуцирование смыслов неразрывно связано с обретением особой формы власти — эстетического суверенитета, концепция которого позволяет осмыслить автономию в условиях её радикального ограничения. Творческий акт в пенитенциарной системе есть, прежде всего, акт глубокого экзистенциального и материального присвоения. Используя ограниченные, зачастую контрабандные или импровизированные материалы — обёрточную бумагу, кофейную гущу в качестве пигмента, нитки от одежды, самодельные кисти осужденный присваивает себе неотъемлемое право на выражение. Он трансформирует предметы контроля, символы дефицита и ограничения, в инструменты конституирования собственного голоса и визуального языка.

Этот акт имманентно содержит в себе политическое измерение, являясь декларацией о том, что внутренний мир индивида остаётся неподсудной и неотчуждаемой территорией автономии. Кураторская и классифицирующая работа Архивов, отбирающая, систематизирующая и сохраняющая результаты этих индивидуальных актов, легитимирует данный суверенитет, переводя его из плоскости приватного, почти интимного акта свободы в статус публичного культурного факта, обладающего социальной значимостью. Таким образом, художник-осужденный через призму Архивов перестаёт быть исключительно объектом пенитенциарного, юридического и социального дискурсов (как «опасный элемент», «осуждённый», «нарушитель»). Он становится полноправным субъектом дискурса культурного и эстетического, то есть агентом, производящим значения.

Эта символическая трансформация обладает глубоко эмансипаторным потенциалом. Она разрывает редуктивную идентичность и предлагает альтернативную, созидательную самоидентификацию — «автор», «художник», «поэт архива Сан-Квентина». Суверенитет здесь проявляется как власть над собственным образом, нарративом о себе, способом своего присутствия в мире и в истории. Архивы становятся гарантом этого суверенитета, его институциональным хранителем и медиатором, обеспечивая созданным образом и текстам

переход из маргинального пространства камеры в пространство публичной рецепции, критического осмысления и исторического диалога.

Центральной категорией, опосредующей связь между этим внутренним миром и внешним социумом, выступает свидетельство. Работы, собранные в Архивах это не просто художественные произведения в автономном эстетическом поле; это, прежде всего, экзистенциальные документы, артефакты субъективности. Каждый из них несёт в себе лаконичное, но весомое свидетельство: «Я был здесь. Я существовал. Я чувствовал это. Это происходило со мной». В условиях, где устное или письменное слово заключённого в публичной сфере часто априори дискредитируется, стигматизируется или маргинализируется как недостоверное, визуальное, поэтическое или нарративное свидетельство обладает уникальной пронизывающей силой. Оно обходит рациональные защитные барьеры и предубеждения, апеллируя непосредственно к эмоциональному, эмпатическому и этическому восприятию реципиента, создавая возможность для прорыва в понимании.

Однако принципиально важно, что Архивы это не пассивный репозиторий или нейтральное хранилище подобных свидетельств. Они выполняют активную кураторскую и медиативную функцию, целенаправленно формируя условия для их ответственной рецепции. Непосредственное предъявление тюремного артефакта на всеобщее обозрение могло бы привести к его эстетизации как «наивного искусства». Работа Архивов заключается в создании ответственного контекста для встречи со свидетельством.

Это предполагает многоуровневую контекстуализацию, где свидетельство не пребывает в вакууме, но сопровождается, там где это возможно и этично, именем автора, фрагментами его биографии, историческими условиями создания работы, техническими особенностями, обусловленными средой. Эта процедура возвращает абстрактному и обезличенному «заключённому» конкретные черты, историчность, человеческое измерение, трансформируя статистическую единицу пенитенциарного учёта в индивидуальность с уникальным голосом и судьбой. Одновременно, помещая работу в поле эстетического высказывания и предлагая её для анализа через категории формы, композиции, колористики, ритма, метафоры, Архивы снимают с неё ярлык сугубо этнографического или криминологического курьёза. Они индуцируют взаимодействие реципиента с объектом по законам художественного восприятия и интерпретации, что ведёт к более глубокому, сложному и уважительному постижению инкорпорированного в нём опыта, преодолевающего упрощённые клише и сентиментальность.

Свидетельство, репрезентированное таким образом, по своей сути диалогично. Обращаясь к внешнему миру, оно инициирует вопросы о социальном соучастии, ответственности, взаимном признании человеческого достоинства и солидарности. Таким образом, приватный, выстраданный опыт через Архивы становится катализатором публичной этической рефлексии, преобразуя монолог в трудный, но необходимый мост между двумя мирами, разделёнными социальными барьерами, но объединёнными общей человеческой природой. Архив выступает в роли переводчика и медиума, обеспечивающего саму возможность этого диалога.

Культурные ценности, артикулируемые и воплощаемые данным архивом, находят своё непосредственное и наглядное выражение в специфических формах и жанрах, конституирующих его коллекцию. Эти повторяющиеся форматы не случайны; они являются прямым следствием материальных и психологических условий производства и одновременно ключом к дешифровке коллективных устремлений, ценностей и травм сообщества.

Значительный корпус работ характеризуется малым, часто миниатюрным форматом и исключительной, почти ювелирной детализацией. Данная эстетика кропотливости и

концентрации порождена дефицитом: камерного пространства, доступных материалов и приватности и избытком пустого времени. Скрупулёзная работа над миниатюрой становится не просто занятием, но экзистенциальной стратегией, формой психологического выживания и самосохранения. Это способ упорядочить внутренний хаос, сфокусировать сознание, обрести тотальный контроль над микрокосмом листа бумаги или холста в условиях абсолютно неподконтрольного, регламентированного макрокосма тюрьмы. Это материальное воплощение таких ценностей, как терпение, упорство, концентрация духа, попытка утвердить порядок там, где он навязан извне.

Другим частым мотивом выступают идиллические, нередко сюрреалистически-прекрасные пейзажи: зелёные долины, тихие озёра, горные цепи, бескрайние океаны. Эти образы функционируют не столько как воспоминания, сколько как активные ментальные убежища, визуализация пространства свободы, покоя, гармонии и безграничности, радикально контрастирующего с реальностью тюрьмы. Они свидетельствуют о глубокой жажде иной, трансцендентной реальности, выполняя компенсаторную и психотерапевтическую функцию. Эти пейзажи утверждают непреходящую ценность мечты, воображения и внутреннего, ментального побега как акта сопротивления ограничению физическому.

Изображения лиц — портреты близких, созданные по памяти или по единственной фотографии, иконографические изображения религиозных фигур, рефлексивные автопортреты — все они сигнализируют о фундаментальной ценности человеческой связи, идентичности и признания. Лицо здесь становится мощным семиотическим якорем человечности, референтом принадлежности к миру отношений, любви, семьи и духовных поисков, а не исключительно к миру изоляции и инверсированной социальности. Это попытка удержать и восстановить утраченные или повреждённые связи, сохранить свою идентичность перед лицом институционального обезличивания.

Наконец, текстовые артефакты — стихи, письма, дневниковые записи, философские эссе — подчёркивают непреходящую веру в созидательную, смыслопорождающую силу слова, в его способность структурировать хаос. В пенитенциарной среде, где устная речь часто несёт сугубо инструментальную, ситуативную нагрузку, письменное слово становится сакральным, защищённым пространством для глубокой рефлексии, конструирования сложных личных нарративов, диалога с интеллектуальной традицией и внешним адресатом. Это демонстрация непрекращающейся работы интеллекта и души, утверждающая, что мысль, рефлексия и язык нельзя окончательно заключить в камеру. Кураторы Архивов, выстраивая коллекцию, отражающую это жанровое и тематическое разнообразие, создают тем самым не монолитную хронику страдания, а полифонический хор субъективностей. Отдельный голос может звучать тихо, но совокупно они образуют полифонический текст, повествующий о богатейшем спектре стратегий совладания, осмысления, сопротивления и символического преодоления условий несвободы посредством акта творчества.

Конкретное материальное наполнение архивов тюрьмы «Сан-Квентин» неоднородно и включает несколько ключевых сегментов, каждый из которых вносит свой вклад в формирование полифонии. Центральным и старейшим институциональным компонентом является газета «San Quentin News», издаваемая с 1940 года силами заключённых. Будучи одним из старейших тюремных периодических изданий в США, она представляет собой живой, постоянно пополняющийся архив в реальном времени. Её страницы содержат не только новостные статьи и репортажи о внутренней жизни тюрьмы, но и интервью, редакционные

колонки, художественную прозу и поэзию. Этот сегмент архива уникален своей публицистической и документальной непосредственностью, фиксирующей актуальные проблемы, дискуссии и образовательные инициативы внутри сообщества.

Второй крупный блок составляют арт-проекты и произведения визуального искусства. Исторически в Сан-Квентине существовали художественные классы, иногда под руководством приглашённых профессионалов. Коллекция включает картины и рисунки, выполненные в техниках, доступных в условиях ограничений: от гиперреалистичных портретов сокамерников и автопортретов до абстрактных композиций, выражающих внутренние состояния. Отдельную категорию образуют монументальные работы — настенные росписи в помещениях тюрьмы, которые непосредственно взаимодействуют с архитектурой подавления, временно преобразая её. Иллюстрации для внутренних изданий также являются частью этого визуального корпуса, демонстрируя связь между словом и образом.

Важнейшим хранилищем литературного наследия выступает литературный журнал «The Mule», полностью создаваемый осужденными. Это центральный архив современной тюремной литературы, где сосредоточены наиболее рефлексивные и отточенные тексты: стихи, короткие рассказы, фрагменты мемуаров, эссе на темы вины, искупления, потери, социальной несправедливости и памяти о жизни на воле. Журнал представляет собой институализированную площадку для оттачивания литературного мастерства и формирования письменной традиции.

Помимо внутренних инициатив, значительный пласт материалов формируется в сотрудничестве с внешними некоммерческими организациями, такими как «Prison Renaissance». Эта коллаборативная модель порождает сборники стихов и прозы, театральные пьесы (иногда находящие постановку за пределами тюрьмы), философские трактаты и публицистические тексты, адресованные широкой аудитории. Такие проекты создают гибридный цифровой и материальный архив, целенаправленно нацеленный на медиацию между заключёнными и обществом.

Историческую глубину и контекст обеспечивают академические и исторические коллекции, хранящиеся в университетах и государственных архивах Калифорнии. Они аккумулируют исторические свидетельства иной природы: личные письма заключённых прошлых эпох, рукописи неопубликованных мемуаров, фотодокументы, официальную корреспонденцию администрации. Эти материалы позволяют проследить генезис и эволюцию тюремной культуры, помещая современное творчество в широкий исторический контекст.

Отдельным, менее формализованным, но культурно значимым сегментом являются музыкальные и аудиозаписи. Сан-Квентин известен своей музыкальной сценой, особенно в жанрах блюз, кантри и фолк. Записи песен, написанных и исполненных заключёнными, будь то неофициальные кассетные записи или материалы образовательных программ, фиксируют ещё одну форму устного свидетельства и эмоционального выражения. Легендарный концерт Джонни Кэша в тюрьме в 1969 году, хотя и является взглядом извне, символически вписал это место в национальный музыкальный миф, создав внешний референс для внутреннего творчества.

Наконец, театральное наследие, связанное с деятельностью программ вроде «San Quentin Drama Workshop» (основан в 1950-х), составляет особый пласт. Сохранившиеся тексты пьес, часто написанных самими заключёнными и затрагивающих темы морального выбора и искупления, а также воспоминания о постановках, представляют архив перформативной

практики, где телесность и коллективное действие вступают в сложные отношения с дисциплинарным режимом пенитенциарной институции.

Заключение

Таким образом, архивы «Сан-Квентин» репрезентируют феномен, трансцендирующий узкие рамки традиционного музееведения или документирования. Они являются культурным организмом особого типа, сформированным в сердцевине фундаментального социального противоречия, существующим в состоянии постоянного напряжения и нацеленным на глубинное символическое преодоление отчуждения. Их значение заключается, прежде всего, в том, что они утверждают культуру не как надстройку или досуг, но как базовую, экзистенциальную форму жизни внутри пространства, спроектированного для социальной смерти и стирания субъективности. Архивы неопровержимо демонстрируют, что даже в наиболее репрессивных условиях, на грани символического небытия, человеческая потребность в созидании, рефлексии, нарративизации и оставлении смыслового следа остаётся неистребимой силой, движущей актами эстетического суверенитета.

Они трансформируют пенитенциарное учреждение из монолитного, одномерного символа подавления в сложное, стратифицированное и противоречивое поле культурного производства, где параллельно и в ответ на дисциплинарные практики непрерывно рождаются автономные смыслы, альтернативные временности и формы сопротивления через репрезентацию. Одновременно Архивы выступают как инструмент деконструкции пенитенциарной мифологии, развенчивая иллюзию о тюрьме как о «чёрном ящике». Они свидетельствуют, что из-за этих стен исходит интенсивный, полный боли, тоски, юмора, критики и красоты поток образов и текстов — богатейший материал для гуманитарного и социального постижения природы изоляции и резистентности человеческого духа.

Данный архив — это проект будущего, проецируемый вперёд из глубин настоящего ограничения. Сохраняя, легитимируя и медируя голоса тех, кого общество зачастую предпочло бы игнорировать или окончательно забыть, он закладывает краеугольный камень для иной, более инклюзивной и честной исторической памяти — памяти, которая инкорпорирует в себя травматический и творческий опыт отверженных. Он создаёт непререкаемый культурный и этический прецедент, индуцируя пересмотр самих границ между центром и периферией, между легитимным и маргинальным искусством, между голосом, обладающим символической значимостью, и голосом, подлежащим умолчанию.

Библиография

1. Mitchell J. A. Mary Pickford's mugshot: early Hollywood celebrities and San Quentin Prison //Early Popular Visual Culture. – 2023. – Т. 21. – №. 3. – С. 331-347.
2. Prieur N. B. In the System: Art, Prison, and the Performance of Social Welfare : дис. – UC Berkeley, 2010.
3. Cummins E. The rise and fall of California's radical prison movement. – Stanford University Press, 1994.
4. Henry C. R. Freedoms Lost and Gained: Entwining Prison History into the Future of Lorton Arts Foundation. – 2010.
5. Cecil D. K. Prisons in popular culture //Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. – 2017.
6. Query R. B. THE AMERICAN PRISON AS PORTRAYED IN POPULAR MOTION PICTURES OF THE 1930'S. – The University of New Mexico, 1975.
7. Levitt L. Hollywood forever: Culture, celebrity, and the cemetery. – 2008.
8. Mason P. The screen machine: Cinematic representations of prison //Criminal visions. – Willan, 2012. – С. 278-297.
9. Oleson J. C. Virgil in Hell: Commercial Prison Consultants as Teachers and Guides //Histories and Philosophies of Carceral Education: Aims, Contradictions, Promises and Problems. – Cham : Springer International Publishing, 2022. С. 119-143.

10. Cummins E. F. Iron gag. A chronicle of San Quentin Prison, 1950-1980: Book suppression, inmate resistance, and the rise and fall of the prison movement left. – University of Pennsylvania, 1990.

The Phenomenon of the San Quentin Prison Art Archive in the USA

Anna S. Elagina

PhD in Economics,
Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The phenomenon of the San Quentin Prison (USA) archives is investigated as a unique socio-cultural phenomenon arising within the space of the penitentiary system. The archive, representing an initiative to preserve the creative legacy of convicts, is analyzed in the context of three interrelated functions: constituting an alternative cultural memory, asserting aesthetic sovereignty, and mediating ethical testimony. The research demonstrates how the archives perform an inversion of the classical model, recording not an official narrative but the subjective experience, emotions, and reflections of prisoners, thereby transforming into a tool of cultural reparation and a political act. Through analysis of specific forms and genres (miniature, idyllic landscape, portrait, text), strategies of symbolically overcoming unfreedom are revealed. The archive is considered as an active mediator, forming a responsible dialogue between the marginalized community of prisoners and external society, deconstructing the mythology of the prison as a "black box," and laying the foundation for a more inclusive historical memory.

For citation

Elagina A.S., Slabkaya D.N. (2025) Fenomen arkhiva proizvedeniy iskusstva tyur'my «San Kventin» SShA [The Phenomenon of the San Quentin Prison Art Archive in the USA]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (12A), pp. 199-207. DOI: 10.34670/AR.2025.97.87.024

Keywords

San Quentin archive; prison art; cultural memory; aesthetic sovereignty; ethical testimony; penitentiary culture; counter-history; cultural reparation; marginalized groups; visual anthropology.

References

1. Cecil, D.K. (2017). Prisons in popular culture. In *Oxford research encyclopedia of criminology and criminal justice*. Oxford University Press.
2. Cummins, E. (1994). *The rise and fall of California's radical prison movement*. Stanford University Press.
3. Cummins, E.F. (1990). *Iron gag: A chronicle of San Quentin Prison, 1950-1980: Book suppression, inmate resistance, and the rise and fall of the prison movement left* [Doctoral dissertation, University of Pennsylvania].
4. Henry, C.R. (2010). *Freedoms lost and gained: Entwining prison history into the future of Lorton Arts Foundation* [Master's thesis, George Mason University?]. [Уточните учреждение для полного оформления.]
5. Levitt, L. (2008). *Hollywood forever: Culture, celebrity, and the cemetery* [Publisher information missing].
6. Mason, P. (2012). The screen machine: Cinematic representations of prison. In P. Mason (Ed.), *Criminal visions* (pp. 278–297). Willan.
7. Mitchell, J.A. (2023). Mary Pickford's mugshot: early Hollywood celebrities and San Quentin Prison. *Early Popular Visual Culture*, 21(3), 331–347.
8. Oleson, J.C. (2022). Virgil in Hell: Commercial prison consultants as teachers and guides. In M.L. Hill (Ed.), *Histories and philosophies of carceral education: Aims, contradictions, promises and problems* (pp. 119–143). Springer International Publishing.
9. Prieur, N.B. (2010). *In the system: Art, prison, and the performance of social welfare* [Doctoral dissertation, University of California, Berkeley].
10. Query, R.B. (1975). *The American prison as portrayed in popular motion pictures of the 1930's* [Doctoral dissertation, The University of New Mexico].